

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ В ПРАВОВОМ И ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Научная статья

УДК 340.1

DOI: 10.22394/1682-2358-2025-1-73-81

Статья опубликована на условиях лицензии
Creative Commons Attribution 4.0
International License

Елена Геннадьевна ЛУКЬЯНОВА

*Институт права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Москва, Россия
Социологический институт — филиал ФНИСЦ Российской академии наук,
Москва, Россия
lukyanova-eg@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0003-5589-0055>*

ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Аннотация. В статье рассматриваются состояние правовой идеологии и ее особенности как совокупности правовых идей, взглядов и концепций, господствовавших в общественном сознании России второй четверти XIX в.

Основное содержание исследования составляет теоретико-правовой анализ правовых учений и воззрений М.М. Сперанского, К.А. Неволлина, С.Н. Орнатского и других ученых-юристов, а также представителей славянофильства – К.С. Аксакова и И.В. Киреевского. Проводится исторический анализ факторов среды, обусловивших их появление.

Результатами исследования являются изучение и осмысление синкретичного, метафизического и противоречивого характера правовой идеологии второй четверти XIX в. Большинство правовых идей данного периода оторваны от реалий общественно-политической жизни страны и ее перспектив, однако просматривается система правовых принципов, формирующих правовой образ российской государственности как монархии, ограниченной естественным правом и соответствующим ему законом, выступающей продолжением правовых идей начала XIX в.

Значимость исследования определяется расширением представлений о развитии правового сознания российского общества, его результаты могут быть использованы в анализе современного состояния правового сознания и правовой идеологии.

Ключевые слова: правовая идеология, правовые учения, право.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Лукьянова Е.Г. Правовая идеология в России второй четверти XIX века // Вестник Поволжского института управления. 2025. Т. 25, № 1. С. 73–81. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2025-1-73-81>

© Лукьянова Е.Г., 2025

Original article

This work is licensed under a
Creative Commons Attribution 4.0
International License

Elena G. LUKYANOVA

*Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
Moscow, Russia*

*Sociological Institute, Branch of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

lukyanova-eg@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0003-5589-0055>

LEGAL IDEOLOGY OF RUSSIA IN THE SECOND QUARTER OF THE XIX CENTURY

Abstract. The article deals with the state of legal ideology and its features as a set of legal ideas, views and concepts that prevailed in the public consciousness of Russia in the second quarter of the XIX century.

The main content of the study is the theoretical and legal analysis of legal doctrines and views of M.M. Speransky, K.A. Nevolin, S.N. Ornatsky and other legal scholars, as well as representatives of Slavophilism – K.S. Aksakov and I.V. Kireyevsky. Historical analysis of the environmental factors that caused their emergence is carried out.

The results of the research are the study and comprehension of the syncretic, metaphysical and contradictory nature of the legal ideology of the second quarter of the XIX century. Most of the legal ideas of this period are detached from the realities of the socio-political life of the country and its prospects, however, there is observed a system of legal principles that form the legal image of the Russian statehood as a monarchy limited by natural right and the law corresponding to it and acting as a continuation of the legal ideas of the early XIX century.

The significance of the study is determined by the expansion of ideas about the development of legal consciousness of the Russian society, its results can be used in the analysis of the current state of legal consciousness and legal ideology.

Keywords: legal ideology, legal doctrines, law.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Lukyanova, E.G. Legal Ideology in Russia in the Second Quarter of the XIX Century // The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration. 2025. Vol. 25. № 1. P. 73–81. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2025-1-73-81>

Введение. Правовая идеология, охватывающая правовую доктрину, является главным компонентом правового сознания общества, конструирующей правовую действительность — объективное право, правовую деятельность, правопорядок в целом, и выступает средой возможного формирования права и его применения. Изучение правовой идеологии той или иной эпохи дает информацию, необходимую для понимания как правовой идеологии последующих эпох, включая современность, так и более широкого пласта правовых явлений, образующих правопорядок страны.

Вторая четверть XIX в., время царствования Николая I, один из наиболее сложных и противоречивых периодов развития России, сопровождался значительными идеологическими трансформациями, которые привели к необратимому разрыву с предшествующей эпохой [1, с. 658]. К 1830-м годам «Уваров сформулировал основные положения теории официального национализма, которые начали транслироваться в общество через прессу, историографические сочинения, публичные зрелища и образовательную систему», при этом неразрывно соединив национальный принцип с религиозным и политическим [2, с. 423], а «переворот во внутренней политике Николая — декларативный отказ от следования западному, ставка на “самобытность”, конфронтация с европейским общественным мнением, введение жесткого цензурного режима — уже свершился» [3, с. 35]. Эти изменения не могли не затронуть важной составляющей части общей идеологии российского общества — правовой идеологии. Николай I очертил не только общие идеологические рамки для российского общества, но и весьма конкретно высказался об их правовой составляющей: лучшая теория права — добрая нравственность, имеющая основанием религию [4, с. 23]. Попытаемся выявить изменения, сопровождавшие развитие правовой идеологии российского общества в контексте общих политических и идеологических трансформаций во второй четверти XIX в.

Структура и особенности правовой идеологии второй четверти XIX в. В правовом сознании российского общества того времени можно выделить как минимум два идеологических пласта: профессиональную «полуофициальную» правовую идеологию, проводившуюся профессиональными юристами, чаще всего преподавателями правовых дисциплин, и «обывательскую», непрофессиональную, которую можно охарактеризовать как совокупность идей и воззрений на право и закон, распространявшихся среди различных слоев общества, преимущественно среди знати, не связанной профессионально с юриспруденцией.

Профессиональная «полуофициальная» правовая идеология второй четверти XIX в. находилась под мощным идеологическим давлением

власти. В.М. Гессен утверждал, что правительство всеми силами пыталось обеспечить господство исторической школы права в российской правовой доктрине николаевского времени [5, с. 39–40]; этому же способствовала и кадровая политика российского правительства в университетах [6, с. 20]. Однако ученые-юристы выбрали путь компромисса с официальной идеологией, не отказываясь в своих работах от естественно-правовых идей, господствовавших в политико-правовой мысли России в конце XVIII — начале XIX в. Это стало особенностью российской правовой доктрины рассматриваемого периода, когда российские праведы пытались гармонизировать идеи исторической и естественно-правовой школ права, преподнести их в эклектическом синтезе, в то время как само возникновение исторической школы права в Европе было реакцией и оппозицией по отношению к естественно-правовой, ориентирующей на критический ход мысли и имеющей революционный потенциал [7, с. 19]. Проводники правовой идеологии второй четверти XIX в. — М.М. Сперанский, К.А. Неволин, С.Н. Орнатский, П.Г. Редкин (некоторые из них учились исторической школе права в Берлинском университете у Савиньи) — решительно настаивают на главных естественно-правовых постулатах, требовании соответствия государственных законов естественно-правовым идеям, идеям «правды».

М.М. Сперанский пишет: «Законы общежительные не действительны, когда они противны законам естественным; они, по самому существу их, не что иное должны быть как приложение законов естественных, приложение, укрепленное действием верховной власти, внешними наградами и понуждениями». «Всякое право, а следовательно и право самодержавное, поелику есть право, поелику оно основано на правде» [8, с. 56; 61]. По мнению К.А. Неволына, «закон по существу своему есть 1) вообще правда» [9, с. 33]. «Законы положительные должны служить точным или самым близким выражением Высшего Закона Правды», — утверждал С.Н. Орнатский [10, с. 25]. Профессор Московского университета П.Г. Редкин, обращаясь к студентам в напыщенной форме, говорил, что студенты пришли в университет искать правды, которая есть начало права, — вспоминал Б.Н. Чичерин [11, с. 37].

Категория «правды» приобретает особое значение в политико-правовой доктрине второй четверти XIX в. Будучи понятием древнерусского языка, понятие «правды» стало использоваться для интерпретации относительно новых для русского языка понятий права и закона. Причиной обращения к этой категории в правовой доктрине именно второй четверти XIX в. служит консервативная политика Николая I,

так как русские ученые-юристы уже в начале XIX в. интерпретировали правовые понятия, не прибегая к помощи категории «правды». Это была попытка «самобытного» истолкования юридических категорий, попытка остаться на правовых позициях, не отказываясь от права как такового. Любопытно трактуется само понятие «правды» у разных юристов. Например, М.М. Сперанский, с одной стороны, выводит данное понятие из нравственности, а с другой — юридизирует его. Правда — это образ действия по совести. «Правда уравнивает две силы противоположные: личность и общение, самолюбие и любовь и потому-то она называется аequum (*справедливость, равенство*)» [8, с. 49]. Согласно К.А. Неволину, «правда» — это уже добро, в широком смысле правда есть верность одного нравственного существа целому союзу нравственных существ [9, с. 41]. С.Н. Орнатский еще более размыкает юридический смысл понятия правды и синтезирует в ней идеи справедливости, истины, добра и религии: «В Высшем Законе Правды право (чистая справедливость) соединяется с нравственностью и освящается религией»; «Высший Закон Правды — это закон нравственный, здесь истина, правда, нравственность, религия — различные стороны одной высшей цели — царствия Божия»; «Этот закон един и дан единым Верховным Законоположником»; законы положительные должны служить точным или самым близким выражением Высшего Закона Правды [10, с. 26]. Категория «правда» приобретает синтетический и эклектичный характер, объединяя понятия справедливости, истины, добра, религии и трактуется как сущность и содержание права и положительного законодательства. Синкретичность и метафизичность «правды» снижают степень научности соответствующих исследований, так как научное познание стремится к анализу, выявлению индивидуальных особенностей вещей и дифференциации научного знания, но это — необходимый компромисс с официальной идеологией.

Ученые-юристы этого периода обращаются также к исследованию вопросов разновидностей законов в государстве, их происхождению, соотношению с иными формами (источниками) права, порядку их образования, организации законодательных органов. В духе естественно-правовой школы подчеркивается общий характер закона. Закон «есть постановление общего правила, по коему надлежит поступать во всех случаях одного и того же рода» [8, с. 68]. Тем самым профессиональная университетская российская правовая доктрина, проводившаяся профессиональными юристами и преподавателями правовых дисциплин, демонстрирует не только следование принципам формального легализма — уважения к закону, признания его главной роли в организации и функционировании общества и государства, но и установки относи-

тельно его сущности и содержания, которые должны соответствовать естественно-правовым идеям справедливости (правды) и ограничивать власть монарха.

Б.Н. Чичерин, вспоминая о своей учебе на юридическом факультете Московского университета, показал и неприглядную сторону профессионального юридического сообщества второй четверти XIX в., а именно атмосферу полной научной и творческой несвободы: «Передо мной без малейшего повода, запиралась дверь к ученому и литературному поприщу, и это делалось с таким пошлым равнодушием, с таким возмутительным пренебрежением к мысли, труду, знаниям и стремлениям молодого человека, что это одно уже может служить признаком того низкого уровня, на который пал некогда славный Московский университет» [11, с. 122]. Об «убожестве профессорской мысли», восхвалявшей систему действующего права, в частности в области судоустройства и судопроизводства, писали И.В. Гессен и И.А. Блинов. Декан юридического факультета и ректор Московского университета в предреформенный период С.И. Баршев в статье «О преимуществах следственного процесса перед обвинительным» критикует принципы публичности и гласности процесса [12, с. 51], а профессор С.-Петербургского университета Я.И. Баршев в работе «Основания уголовного судопроизводства» утверждает, что устность процесса служит «источником незрелого и необсудливого положения дел» [13, с. 40]. При этом даже в правительственных кругах преобладал критический ход мысли относительного вопроса организации и функционирования судебной системы [13, с. 42].

Другой пласт российской правовой идеологии, по мнению А. Кульчицкого, «исповедуемой избранныками судьбы или темными людьми, не знавшими иных отношений, кроме дворянско-чиновничьих» [14, с. 143], содержал нигилистические представления о праве и законе. Отличительная черта этих идей заключается в отрицании рационализма и, следовательно, самой необходимости в праве и законе в русском обществе. Средой, формировавшей такие представления о праве и законе, являлось славянофильство, которое А. Валицкий относит к консервативным доктринам, консервативной политической идеологии [15]. Яркий представитель этого течения И.В. Киреевский умалял роль закона и права как писанных официальных текстов в жизни русского общества в противовес обычаям, обесценивал их как «искусственную формальность», «внешнюю правду», «внешнюю пользу», «логический вывод», предпочитая «простые и естественные отношения», «внутреннюю правду», «очевидность существенной справедливости», «святость предания», «нравственность требования», «коренное единомыслие». Он

подчеркивал неестественность общества, управляемого законами: «Логическое движение законов может существовать только там, где самая общественность устроена на искусственных основах» [16, с. 207–208]. По мнению А. Валицкого, дезинтегрирующее влияние рационализма и индивидуализма И.В. Киреевский усматривал в западноевропейской религии и всей структуре западноевропейского феодализма. Критикуя рационализм и индивидуализм общества, устроенного на законах, он бросал тень на бюрократический рационализм Николаевского абсолютизма; не случайно статья И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России» была запрещена, а сам он вместе с другими авторами «Московского сборника» отдан под полицейский надзор. Однако при всей очевидности и категоричности правового нигилизма И.В. Киреевского исследователи славянофильства отмечают определенную противоречивость его воззрений, наличие либеральных нот в его работах и даже положительное отношение к конституционному правлению [17, с. 93].

Более категоричные идеи в отношении права и закона высказал К.С. Аксаков; у него закон — это не только искусственное формальное начало, ненужное русскому обществу, а «начало неволи, начало, убивающее жизнь и свободу» [18, с. 249]. «...Государство есть начало неволи, внешнего принуждения; оно не есть свободное воплощение в дело внутреннего мира человека; оно есть данная форма, оно есть учреждение» [18, с. 66–77]. «Смысл обций Русского человека — свобода, свобода истинная, при отсутствии условностей всюду» [18, с. 630]. К.С. Аксаков предлагает одну из крайне нигилистических праву и государству форм русского мировоззрения второй четверти XIX в., опирающуюся на искреннюю любовь ко всему русскому и веру в способность русского народа защитить свою свободу. Антилегалистским и нигилистическим идеям славянофильства, имевшим источник в антизападничестве, при этом сопутствует идея «опасного другого», по мнению А.А. Тесля, нашедшая отражение в публицистике некоторых славянофилов и выражающаяся в культивировании идеи врага, который «для славянофилов располагался, с одной стороны, вовне, с другой — во многом сближался с правительством» [17, с. 115].

В правовой идеологии российского общества второй четверти XIX в. обнаруживаются полярные идеи и противоречия, взаимоисключающие воззрения на право и закон: жизнь «на каждом шагу являла резкие диссонансы, выступавшие наиболее ярко в отношениях крепостнических, фабричных, а также в солдатской жизни» [14, с. 143]. Общее у них — отрицание рационализма и ненаучность, ориентация на эклектику, противоречивость, характерная для эпохи царствования Николая I.

Заключение. Правовая идеология второй четверти XIX в. не породила сколь-нибудь заметных и новых правовых идей; наоборот, просматривается попытка размыть, смазать четкую картину более ранних правовых идей. Большинство из правовых идей второй четверти XIX в. не имеют прямой связи с практическим положением дел, оторваны от реальных общественно-политической жизни страны и ее перспектив; правовые институты, в частности институты государственного права, лишь зарождались. Вместе с тем существовала прочная основа правовой идеологии, противостоящей правовому нигилизму — системе правовых идей, формирующих правовой образ российской государственности как монархии, ограниченной естественным правом и соответствующим ему законом. Эта система идей явилась наследием правовой идеологии начала XIX в., довольно развитой и прогрессивной для российской действительности того времени.

Список источников

1. *Нарежный А.И., Завьялова О.О.* Власть и общество во второй четверти XIX века: особенности взаимодействия // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* 2021. Т. 5, № 3. С. 656–689. DOI:10.23859/2587-8344-2021-5-3-1. EDN: VCBVOQ.
2. *Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века / кол. авт. / под ред. К.А. Соловьева.* М.: Новое литературное обозрение, 2021. 824 с.
3. *Велижев М.* Чаадаевское дело: идеология, риторика и государственная власть в Николаевской России. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 392 с.
4. *Федосов И.А., Долгих Е.В.* Российский абсолютизм и бюрократия // *Очерки русской культуры XIX века.* М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. Т. 2. С. 10–101.
5. *Гессен В.М.* Общее учение о государстве. СПб.: Касса взаимопомощи студентов С.-Петербургского политехнического института императора Петра Великого, 1912. 190 с.
6. *Акчурина Н.В.* Историческое направление в русском правоведении XIX века: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2000. 42 с.
7. *Штраус Л.* Естественное право и история. М.: Водолей Publishers, 2007. 312 с.
8. *Сперанский М.М.* Руководство к познанию законов. СПб.: Наука, 2002. 680 с.
9. *Неволин К.А.* Энциклопедия законоведения. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. 400 с.
10. *Орнатский С.Н.* О единстве всеобщего высшего закона правды в сравнении со множеством и разнообразием положительных законов в разных человеческих обществах. М.: СПб. духовная академия, 1856. 36 с.
11. *Чичерин Б.Н.* Москва сороковых годов. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1929. 310 с.
12. *Блинов И.* Судебная реформа 20 ноября 1964 г.: Историко-юридический очерк. Пг.: Сенат. тип., 1914. 234 с.
13. *Гессен И.В.* Судебная реформа. СПб.: Книгоиздательство П.П. Гершунина, 1905. 267 с.

14. *Кульчицкий Л.* История русского революционного движения: в 2 т. СПб.: Электронпечатня Я. Левенштейн, 1908. 394 с.
15. *Валицкий А.* В кругу консервативной утопии. Структура и метафоры русского славянофильства. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
16. *Киреевский И.В.* Полн. собр. соч. М.: Путь, 1911. Т. 1. 289 с.
17. *Тесля А.А.* Восемь лекций о славянофильстве: интеллектуальная история. М.: СФИ, 2024. 212 с.
18. *Аксаков К.С.* Полн. собр. соч. М.: Тип. П. Бахметева, 1861. Т. 1. 632 с.

Сведения об авторе

ЛУКЬЯНОВА Елена Геннадьевна,

доктор юридических наук,
заведующий кафедрой
теории государства и права
им. Г.В. Мальцева
Института права
и национальной безопасности
Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ,
ассоциированный научный сотрудник
Социологического института
филиала ФНИСЦ
Российской академии наук,
Москва, Россия
lukyanova-eg@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию
18.11.2024

Одобрена после рецензирования
19.12.2024

Принята к публикации
20.01.2025

The author

Elena G. LUKIANOVA,
Doctor of Sciences (Law),
Head of the Theory of State
and Law Department named
after G.V. Maltsev,
Institute for Law and National Security,
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration,
Associate Research Fellow,
Sociology Institute,
Branch of the Federal Research
Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
lukyanova-eg@ranepa.ru

The article was submitted
18.11.2024

Approved after reviewing
19.12.2024

Accepted for publication
20.01.2025